

Филиппова Ольга Николаевна,

Педагог-психолог, Ассоциация искусствоведов, г. Москва

ТВОРЧЕСТВО КОНСТАНТИНА БОГАЕВСКОГО - УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XX ВЕКА

Аннотация: Биография художника оказалась в какой-то мере нетипичной для эпохи, но она необычайно органично сплелась с его воззрениями на реальность, с его представлениями о творчестве. Жизнь Богаевского - не поза, непровозглашенное символистами влияние судьбы и творчества; жизнь Богаевского лишена какой-либо искусственности. Она протекала естественно и гармонично, хотя и далеко не спокойно: как и другие его современники, Богаевский вовсе не остался в стороне от великих потрясений и бурных событий начала XX века. И хотя хрупкость избранного художником образа жизни очевидна, хотя ему не удалось до конца отгородиться от бремени быта, от воздействия действительности, он все-таки выстроил себе башню из слоновой кости, где грезил и творил, мечтал и провидчески осмысливал будущее и прошлое.

Ключевые слова: Творчество, биография, Константин Богаевский, уникальное явление, жизнь, картины, живопись, графика, Константин Кондауров, облик художника.

Надо полагать, что принцип контрастного противопоставления жизни и искусства наметился у Богаевского гораздо раньше. Однако его слова, как нельзя лучше, характеризующие облик художника, вовсе не означали забвения современности. Ее властного, могучего влияния не мог преодолеть даже такой принципиальный индивидуалист, как Богаевский. Постоянное противоборство побуждений определило и характер его образности: стремление изолироваться

от внешнего мира парадоксально соединялось в творчестве Богаевского с неизбежным отражением этого мира, чреватого социальными катаклизмами. Не пересечении мечты и действительности возникло полное оптимизма и - одновременно - скрытой драматичности и даже трагедийности искусства Богаевского. По свидетельству очевидцев, Богаевский был человеком тихим, мирным, замкнутым, аккуратным, добросовестным, не мог обидеть и мухи. Он был не только прекрасным художником, но и обаятельным человеком, сохранявшим со всех жизненных ситуациях наивность и серьезность, честность и порядочность. О непредприимчивости его ходили легенды, о наивности тоже. Художник Николай Барсамов, к примеру, рассказывал, как в 1938 году, в эпоху великого террора, Богаевский пришел к председателю Феодосийского горисполкома и просил его не арестовывать. Старый художник был несомненной достопримечательностью города, также, как другой неисправимый романтик - писатель Александр Грин, но, безусловно, меньшего масштаба, чем в свое время знаменитый создатель морских видов Иван Айвазовский. Три человека сыграли безусловно исключительную роль в зрелой жизни Богаевского. Одним из них был художник Архип Иванович Куинджи. Именно он заметил юного ученика петербургской Академии художеств и привлек его в свою мастерскую. Влияние Куинджи на современных ему пейзажистов и, в частности, на Богаевского было огромным. Без преувеличения можно сказать, что старый мастер сообщил своему ученику творческий импульс, на долгие годы определивший его судьбу художника. В биографиях учителя и ученика имеются знаменательные совпадения и пересечения. Куинджи в юные годы, мальчишкой пятнадцати лет, начинал учиться в Феодосии у Айвазовского, Богаевский тоже - и также безуспешно, как его будущий наставник. Другой ученик Куинджи, Николай Рерих, назвал учителя индийским словом гуру, обозначив тем самым его решающую роль в формировании своего мировоззрения. Первым учителем живописи Богаевского был Адольф Фесслер, преданный копиист Айвазовского. Первым учителем Куинджи был все тот же, тогда еще молодой начинающий художник Фесслер,

подвизавшийся у Айвазовского в помощниках. Другим человеком, помогавшим Богаевскому всю свою жизнь, своеобразным его ангелом-хранителем был художник Константин Кандауров. Восхищенный работами Богаевского, он взял на себя все заботы по устройству его произведений на выставки, отправлял ему из Москвы в далекую Феодосию художественные материалы, руководил феодосийским затворником на его нелегком пути художника. Кандауров оказался изумительным другом, своего рода импресарио, посвятившим жизнь прославлению таланта Богаевского. Эта дружба завязалась в 1903 году и окончилась в 1930 году со смертью Кандаурова. Отношения двух художников - беспримерной образец дружбы, исключительной преданности, органично вошедшей не только в жизнь Богаевского, но и в его творческую судьбу. Богаевский сам по себе жил уединенно и замкнуто, художественные выставки посещал крайне редко, с художественными новостями знакомился главным образом по журналам. Тем не менее он сумел отразить в своем творчестве существенные настроения времени и наметить одну из важнейших стилистических тенденций начала XX века. В этом тоже заключался феномен Богаевского. Все в его жизни было необычно и в тоже время характерно для художника и россиянина. Детство прошло не как у всех, а в исключительных условиях, благодаря чему замечены его склонности к рисованию и дан ход их развитию. Богаевский родился 12 января 1872 года в семье мелкого служащего при феодосийском городском управлении. С двенадцати лет он воспитывался в доме известного в Феодосии фабриканта Ивана Егоровича Шмитта. Здесь он обрел новую семью и оставался предан ей до кончины Софьи Антоновны Шмитт в 1928 году (Иван Егорович умел раньше). В 1902 году Богаевский написал серию больших картин, объединенных общим настроением, где изобразил в разных ракурсах с детства знакомые мотивы: «Старый Крым», «Мертвый город (Старый город)», «Древняя крепость», «Пустынные скалы», «Монастырь на горе». Странное дело, но по этим картинам видно, как художник почти сразу же исчерпал тему, ибо в следующие два года он лишь изредка возвращался к ней. В тоже время стали появляться произведения,

проникнутые уже иным мирозерцанием. В них художник решительно оказался от мистического ореола, свойственного произведениям немецких символистов, под обаянием которых он находился. Во время зарубежной поездки с Куинджи на Богаевского произвели большое впечатление произведения Арнольда Бёклина. Не меньшее значение имели для его впечатлительного восприятия Франц Штук, а также художники «Сецессиона», в выставках которого Богаевский вскоре стал принимать участие. Влияние немецкого символизма ощутимо в работах Богаевского 1900 года «Ночь у моря» и «Замок у моря» и даже в 1904 году - в картине «Тюрьма», где беклиновские мотивы были переложены на «крымский лад». В картины 1902-1904 годов Богаевский ввел динамические ракурсы. Он обобщил цвет до локальных цветовых пятен, наращивая одновременно его интенсивность. Подобные натурные перевоплощения способствовали выражению идеи вечности, незыблемости лика земли, как бы сдерживающей время, жизнь, развитие. Земля словно бы замерла, она осталась такой же неизменной и вечной, как неизменны волны, с древнейших времен накатывающиеся на берег. Циклопически твердое и незыблемое горное побережье с каменной крепостью, хранящей следы упорного труда людей, кажется, не меняло своего облика на протяжении столетий. Богаевский создал миф о крушении культур. Этот пессимистический пафос составлял этическую идею его творчества, выраженную в символическом образе. Мышление художника титанично, масштабно, вместе с тем оно подвержено влиянию стиля модерн и составляет оригинальный сплав уникального и стилистически типичного. Знакомство Богаевского с Кандауровым произошло в Крыму, Кандауров приехал тогда в имение Баран Эли, принадлежавшее его приятелю Михаилу Латри. Богаевский вспоминал, что предполагал увидеть «дуболома в красной рубашке», а оказалось - «прикатила колясочка, где сидел маленький человек в аккуратном парусиновом балахончике». Еще в Москве Кандауров был пленен картинами Богаевского, искал с ним встречи. Знакомство произошло в 1903 году, и возникшую вслед за ним дружбу не смогли прервать ни войны, а их прошло

при жизни художника три, ни революции. Картина, открывающая «киммерийский» цикл - «Последние лучи» (1903), - едва ли не самое «красочное» полотно в творчестве Богаевского. По стилистике она напоминает произведения Поля Гогена, и не только своей интенсивной цветностью, но и «гогеновским» экзотичным образом неведомой южной страны. Открытый малиновый цвет каменистой земли словно бы раскален солнцем, длинные фиолетовые тени иссекают сожженное плато, внося беспокойство своей прихотливой игрой. Оранжевым цветом воспламенены деревья, их силуэты отчетливо читаются на темно-сиреновом небе, клубящемся у горизонта розовыми облаками. Небо - своеобразный «град Китеж», особый прекрасный мир, своего рода экзотичный мираж, растворяющийся в высоких перистых облаках светло-голубого горизонта. Небу художник придает особое значение: он не только нагромождает облака, будто бы возлежащие на фиолетовом плоскогорье, но выделяет их необычно низкой перспективой, благодаря которой и небо, и предметы первого плана (камни и кустистые деревья) приобретают особый смысл. Они - знаки-символы, они - лицо этой неведомой земли. Центральное произведение 1907 года - «Звезда Полюнь»; в нем сконцентрировались философия художника, его отношение к жизни, его миропонимание, его излюбленные размышления. «Звезда Полюнь» - апокалиптический сюжет, олицетворенный символ ужаса. Волошин, еще один друг художника добавлял - символ познания и магии. Поэтический образ одушевляет звезду, почти очеловечивает ее «тоскующую душу». Полюнь у художника льет на землю мертвящий ужас, остановилось время, будто бы звезда появилась из вневременного пространства и опалила острыми лучами каменные дома современного города. В мире установилась тягостная неподвижность магического света Полюни, под ее разящими лучами все живое скрылось и исчезло. Осталась только каменная земля, будто бы ровесница звезды, подверженная каре жгучих лучей. Вариации на тему карающего неба и грешной земли присутствуют и в двух других замечательных полотнах - «Солнце» (1906) и «Генуэзская крепость» (1907). Один и тот же мотив

раскаленного солнца, или расплавленной звезды, исторгающей на землю испепеляющие лучи, потребовал здесь нового живописного решения. Мир Богаевского суровый и драматичный. Таким образом, творчество Константина Богаевского - уникальное явление в русском искусстве XX века, богатом незаурядными личностями и яркими событиями. И хотя подобную характеристику нередко можно встретить в литературе по истории искусства, по отношению к Богаевскому она более, чем справедлива. Несомненно, что Богаевский составлял исключение в своей художественной среде, как несомненно и то, что творчество его отражало существенные стороны бытия, передавало характерные движения мысли российского общества начала XX века. Пожалуй, невозможно сказать о Богаевском лучше, чем сделал это он сам в письме к другу, художнику Константину Кандаурову: «Грешный человек, люблю я эту жизнь, захолустную жизнь среднего человека, люблю, когда она вокруг меня протекает, беспритязательная, скромная, не тормоша тебя и не волнуя. Зато как же и мечтается до забвения всего в таком болоте! Горит мечта и тоскует. В мечтах создаешь себе другой, неведомый, сказочно-далекий и прекрасный мир. Право, не будь жизнь такой скучно-серенькой, вообще не было бы на земле ни мечты огненной, ни художеств всяких».

Список литературы:

1. Манин В. Константин Богаевский / Виталий Манин. - Москва: «Белый город», 2000. - 64 с.

2. Филиппова О.Н. Древняя Киммерия в творчестве Константина Богаевского / Ольга Николаевна Филиппова // Искусство Евразии [Электронный журнал]. – 2018. – №1 (8). – С. 73-84. – URL: <https://eurasia-art.ru> (Дата обращения: 09.05.2023).

3. Филиппова О.Н. Древняя Киммерия в творчестве К.Ф. Богаевского (1872-1943 гг.) // Молодий вчений. – 2018. – №2 (54). – С. 554-561.

4. Филиппова О.Н. Творчество А.И. Куинджи – поэта в живописи (1842-1910 года) // Молодий вчений. – 2018. – № 1 (53). – С. 688-693.

